

УДК 340

Убийство по экстремистским мотивам: вопросы применения и совершенствования уголовного законодательства России**Сидоров Б.В.**

Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) Федерального университета

Бабичев А.Г.

Кандидат юридических наук,
докторант кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) Федерального университета

В работе дается понятие экстремистских мотивов, показывается их уголовно-правовое значение как обстоятельств,отягчающих ответственность за убийство и отягчающих наказание за другие виды преступлений, исследуется их социально-нравственная характеристика и практика применения судами состава убийства, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, используется соответствующее зарубежное уголовное законодательство, предлагаются некоторые изменения и дополнения уголовного законодательства России.

Ключевые слова: убийство, экстремизм политический, идеологический, национальный, религиозный и социальный, мотив, ответственность, наказание, степень общественной и субъективной опасности, преступления экстремистской направленности.

Поведение человека во всех случаях мотивировано... С позиции общества, мотивы поведения ранжируются по их социальной ценности, которая далеко не всегда совпадает с их субъективной привлекательностью.

П.С. Граве [1, с. 159]

Международно-правовые стандарты в области прав человека предусматривают, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, социальной, языковой или религиозной принадлежности, должны быть запрещены законом [2-6].

Согласно ст. 19 Конституции РФ, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его пола, расы, нацио-

нальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств и запрещает любые формы ограничения прав граждан по указанным признакам.

Уголовный закон (примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ) относит к преступлениям экстремистской направленности все преступления, в том числе убийства (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), совершенные **по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.**

Впервые отечественный законодатель признал, что совершение преступления по этим мотивам следует рассматривать как обстоятельство, отягчающее наказание (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Лишь в некоторых преступлениях, в том числе **в убийстве, совершенном по мотивам ненависти или иного враждебного чувства к потерпевшему как к представителю определенной или любой иной «неприятной» для виновного национальности или этнической группы, религии или расы, такая правовая оценка данного обстоятельства может быть признана вполне оправданной и справедливой.** В справедливом нравственном измерении, где проходит восходящая линия прогрессивного развития человеческого общества, столь резкое и очевидное проявление атавизма, засеающее в мире людей семена вражды и раздора, которые прорастают в систему нелепых и бессмысленных убийств и даже, как свидетельствует история, в череду кровопролитных, долго не прекращающихся войн, не может не рассматриваться как особо опасное и однозначно нетерпимое явление и преступное деяние. Законодатель в подобных случаях, очевидно, обязан проявить соответствующую строгость к лицам, виновным в совершении убийства по мотивам враждебного отношения к потерпевшему из-за его принадлежности к «нелюбимой» им национальной, этнической группе, вере или расе.

В п. 6 ст. 221.6 УК Франции справедливо, на наш взгляд, предусматривается повышенная ответственность за убийство лишь **«в силу принадлежности или непринадлежности, действительной или мнимой, потерпевшего к какой-либо этнической группе, расе, нации или религии».** Особая опасность такого вида убийства состоит еще и в том, что в определенных исторических условиях и в соответствующей социальной обстановке оно способно перерасти в геноцид – умышленное и планомерное уничтожение (истребление) какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы людей.

Человеконенавистническая субкультура, настроения и взгляды, лишённые какого-либо позитивного смысла и благоразумия, искусственно порождающие непримиримые противоречия в обществе, разделяющие людей по таким нелепым объективным критериям, как принадлежность их к разным расам, этническим группам и нациям (национальностям), заслуживают особого осуждения и противодействия. «Всякий человек знает, – писал Л.Н. Толстой, – что ему нужно делать не то, что разъединяет его с людьми, а то, что соединяет его с ними». На практике, к сожалению, злые и невежественные люди часто ведут себя наоборот от злонравия или незнания и в результате идеологической и психологической обработки со стороны тех общественных, политических и (или) религиозных деятелей, которые

лишь путем разделения масс по расам, религиям да по нациям добиваются своих античеловеческих и антинародных политических или иных социально значимых целей.

Некоторые отечественные политические и (или) религиозные силы и деятели с помощью уголовного закона пытаются справиться с растущим недовольством россиян тем, как власть исполняет волю народа, защищает его права и законные интересы. Предусматривая повышенную ответственность за **преступления** так называемой «экстремистской направленности» (примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ), когда они совершаются «по мотивам **политической, идеологической... ненависти или вражды либо ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы**», наш законодатель, похоже, проявил политическую волю, направленную отчасти и на преследование оппозиции за конструктивную критику, пресечение политического плюрализма и свободного изложения мнений непосредственно в общении с народом, в средствах массовой информации, на митингах, шествиях, демонстрациях и в забастовках трудящихся.

Известный американский профессор Э.М. Шур, бывший помощником по юридическим вопросам одного из президентов США, справедливо отмечал: «Наше общество поступает неразумно, слишком часто и поспешно обращаясь к юридическим санкциям, едва лишь оно сталкивается с индивидами, чье поведение как-то отличается от установленной нормы или же кажется нам опасным [7, с. 19].

Проводя опрос юристов и студентов старших курсов юридических вузов, авторы задали опрашиваемым вопрос: «Не следует ли оставить в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ лишь указание, скажем, на убийство... **по мотивам ненависти или иного враждебного отношения к потерпевшему в силу его принадлежности к определенной или иной, чем потерпевший, расе, религии, нации или этнической группе?**» Полученные ответы свидетельствуют о том, что 55,9 % опрашиваемых считали бы такое изменение в уголовном законе правильным и справедливым, 35,5 % – не согласились с предложенной новацией, а 8,6 % – затруднились с ответом.

Ответы получились краткими, но не всегда ясными.

Вот некоторые образцы ответов тех респондентов, которые одобрительно отнеслись к сделанному предложению:

– интересное предложение. При правильной формулировке в уголовном законе его следует принять и указать об этом в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ (судья);

– такая или подобная формулировка предложенного изложения уголовного закона должна быть указана и в ст. 63 УК РФ (помощник судьи);

– возможно, но при оптимальной формулировке сказанного в уголовном законе (сотрудник прокуратуры).

Оппоненты данного предложения ответили столь же немногословно:

– Нет. Деятели политических и идеологических направлений также имеют право на жизнь (преподаватель юридического вуза);

– Нет. Все люди равны и никого выделять не надо (следователь МВД);

– Нет. Как правило, политическая борьба ведет к ненависти или иному враждебному отношению (помощник судьи);

– Чем мягче убийство человека только за то, что он состоит в другой партии и проповедует иные идеологические взгляды? Это – тоже дикость (судья).

Надо сказать, что речь не идет о лишении права на жизнь «деятелей политических и идеологических направлений», их жизнь будет также охраняться, в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ или ст. ст. 277, 295 и 317 УК РФ, а при отсутствии всех признаков указанных составов преступлений – по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

В принципе, **не всякая политическая, идеологическая или общественная деятельность, справедливая борьба народа за свои права и законные интересы может оцениваться как негативная экстремистская деятельность и преследоваться по закону или рассматриваться как сравнительно более опасное преступление. Экстремизм имеет крайне противоречивый в нравственном отношении характер: от социально опасного до общественно полезного. Он «может в зависимости от ситуации получать в обществе позитивную или негативную оценку»** [8, с. 44].

Учитывая, что разрыв между идеальным и реальным в современном российском обществе стал настолько широким, что превратился в серьезный источник социальных недоразумений и ожесточения индивидов, человек вынужден, как говорил И. Кант, «прибегать в качестве последнего средства к восстанию против тирании и угнетения», чтобы защитить свои права, которые не охраняются властью закона [9, с. 234]. Власть должна не создавать, а устранять факторы, вынуждающие законопослушных граждан становиться на путь экстремизма для решения своих самых насущных жизненных проблем.

По словам О. Мирабо, «человеку для того, чтобы разорвать свои цепи, дозволены все средства без исключения». Г.Х. Грин также считал, что «невыполнение государством своего долга перед гражданами освобождает их от повиновения». Д. Кеннеди предостерегал «власть имущих»: «Те, кто делают мирную революцию невозможной, делают насильственную революцию неизбежной».

Полагаем, что российский законодатель допускает ошибку, признавая однозначно повышенно общественно опасными и совершенными при отягчающих обстоятельствах деяния, совершаемые **«по мотивам политической, идеологической ненави-**

сти или вражды... либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

При таком подходе диалог между властью и народом будет существенно затруднен или невозможен и рискует перекинуться на улицы и площади, перерасти в массовое неповиновение народа власти.

Наши выводы основаны на том, что, говоря о **мотиве политической ненависти или вражды**, законодатель указывает на **побуждение, проникнутое ненавистью или иным враждебным отношением к политической системе общества, существующей государственной власти, органам государственной власти и их представителям, отдельным направлениям деятельности государства, политическому режиму, избирательной системе, политическим партиям и их деятелям, другим политическим институтам и политическим процессам** [10, с. 94-95].

Под идеологической ненавистью или враждой здесь следует понимать **ненависть или враждебное отношение к другим, явно чуждым лицу идеям и взглядам, а равно к их носителям** [10, с. 95-96]. Это чувство и отношение возникает у лица в силу несовпадения соответствующих идей, теорий, взглядов, представлений и понятий, выражающих интересы различных социальных групп, классов, обществ [11, с. 385], у виновного и потерпевшего.

Под **социальной группой в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ** законодатель имел в виду **большие социальные группы, то есть устойчивые совокупности, массы людей, действующих совместно в социально-значимых ситуациях и функционирующих в масштабах страны** (например, классы, нации, сословия) [10, с. 99].

Учитывая приведенные выше толкования указанных мотивов преступного экстремизма, можно сделать вывод, что в действительности **ненависть и враждебное отношение, имеющие политическое, идеологическое, социальное происхождение и характер, способны охватить большие массы людей и, накапливаясь до критической массы, вылиться в противоправное насилие. Ужесточение репрессивных мер со стороны власти – не лучшее лекарство для лечения этого общественного недуга, проистекающего из социальной несправедливости.**

Конечно, можно до поры до времени игнорировать требования масс, выступающих в защиту своих законных интересов, теоретически исключить расхождение между властью имущими, лицами, незаконно обогатившимися за последние двадцать с лишним лет, и бедными законопослушными гражданами, можно даже отвергнуть классовую борьбу, которая находит соответствующее отражение в политике и идеологии противоборствующих классов и партий, можно также утверждать, что между сытым и голодным, мошенником и обманутым, «новым» господином и слугой в «новой» России существует

полная гармония. Но реальность такое допущение и примысливание, конечно, не изменит. **Социальная ненависть, враждебное чувство, исходящее из резких противоречий между «неправедно богатыми» и бедными неимущими тружениками, будет продолжать существовать и накапливаться в массах народа**, ища выхода вовне и прорываясь в соответствующих ситуациях как насильственное посягательство на собственность, здоровье и даже жизнь своих антагонистов. Противодействие такому положению и таким настроениям народных масс с помощью ужесточения мер уголовно-правовой репрессии, очевидно, бесперспективно и бесчеловечно. Думается, что именно поэтому в зарубежном уголовном законодательстве едва ли можно отыскать нормы, предусматривающие повышенную ответственность за убийство или иное преступление, совершенное **«по мотивам политической, идеологической... ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»**. Есть лишь указание, как в УК Франции, на убийство, совершенное **«в силу принадлежности или непринадлежности действительной или мнимой, потерпевшего, к какой-либо этнической группе, расе, нации или религии»**.

Учитывая сказанное, полагали бы целесообразным п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ сформулировать в иной редакции:

«... 2. Убийство, совершенное...

л) по мотивам ненависти или иного враждебного чувства к потерпевшему вследствие его принадлежности к определенной или любой иной, чем виновный, расе, религии, нации, этнической группе...»

Для применения п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ надо установить конкретный, из перечисленных здесь, мотивов. Мотив, как это видно из текста закона, обусловлен враждебным чувством и отношением к потерпевшему из-за его принадлежности к определенной или иной, чем виновный, национальности, расе, религии, или из-за того, что последний придерживается иных, чем он, политических взглядов или иного идеологического мировоззрения, принадлежит к чуждой ему социальной группе.

Квалификация по данному пункту указанной статьи УК предполагает, что убитый принадлежит к другой национальности, расе, конфессии и т. д., чем убийца. Если же потерпевший убит за совершение каких-либо иных противоправных или аморальных действий, такая квалификация исключается.

В настоящее время по вполне понятным причинам особенно широкое распространение в стране получило убийство по мотивам национальной и религиозной ненависти или вражды. При этом, подобно убийству из хулиганских побуждений, виновные нередко совершают преступления без какого бы то ни было непосредственного повода, убивают только

потому, что потерпевший принадлежит к «нелюбимой» национальности или религии. Убивают методично, жестоко и бессмысленно, как будто делают какое-то обычное, привычное дело.

Так, Иркутским областным судом Д. был осужден по п. п. «а», «ж», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ за то, что умышленно причинил смерть двум лицам – Ч. и С. по предварительному сговору с группой лиц по мотивам национальной ненависти при следующих обстоятельствах:

Д. совместно с другими тремя лицами, ранее осужденными (Т., Л. и Х.), по ранее достигнутой между ними договоренности о совершении нападения на лиц неславянской внешности по мотивам национальной ненависти вечером встретились в городе, где они проживали, и по предложению Т. направились в некий микрорайон с целью поиска «подходящего» потерпевшего для реализации своих преступных намерений. На одной из улиц микрорайона они повстречали незнакомого им Ч. – киргиза по национальности. Т. предложил Х., Л. и Д. напасть на Ч. с целью его убийства, на что те согласились. Действуя согласованно, убедившись, что Ч. является лицом неславянского происхождения, Д. и другие его соучастники напали на потерпевшего и сбили его с ног, затем каждый из них стал наносить ему со значительной силой удары ногами, обутыми в ботинки, по голове и телу. При этом Л., с разбега нанес лежащему Ч. удар ногой по голове, Х. нанес многочисленные удары отверткой в область шеи, а когда отвертка сломалась, Х., а затем Т., по очереди нанесли потерпевшему по несколько ударов в шею имевшимся у них ножом. Продолжая свои насильственные действия, Д., Л. и Т., каждый по очереди, нанесли многочисленные удары по голове и другим частям тела Ч. металлическим прутом, передавая этот прут друг другу. После этого Д. и другие участвовавшие с ним в нападении лица с места происшествия убежали, оставив Ч. умирать от многочисленных, несовместимых с жизнью ранений.

Смерть Ч. наступила от открытой черепно-мозговой травмы в виде множественных рвано-ушибленных ран головы, множественных переломов костей черепа, кровоизлияний над и под оболочкой головного мозга, ушиба головного мозга, сопровождавшихся развитием отека и набухания головного мозга, а также от кровопотери и острой почечной недостаточности.

Кроме того, Д. и другой его соучастник (Т.), проходя по улице города мимо строительного вагончика и увидев там спящего С. – узбека по национальности, по предложению Т. решили совершить на него нападение с целью убийства по мотивам национальной ненависти. Осуществляя задуманное, Д. и Т. напали на С. При этом Д. с целью убийства потерпевшего нанес ему имевшимся у него ножом множественные удары в область шеи и другие части

тела, после чего передал нож Т., и тот также нанес С. многочисленные удары в область шеи, грудной клетки и живота. Когда С. попытался убежать, Т. догнал его и нанес ему ножом еще несколько ударов в область шеи, груди, живота и в другие части тела.

Смерть С. наступила на месте происшествия от множественных проникающих колото-резаных ранений груди и живота с повреждением легких, печени, селезенки, колото-резаных ранений передней поверхности шеи, проникающих в просвет гортани, с повреждением хрящей гортани, множественных непроникающих колото-резаных ранений передней, задней, боковых поверхностей груди, живота, колото-резаных ранений лица, шеи, правого плеча, правого предплечья, сопровождавшихся острой массивной кровопотерей.

Из показаний Д. на судебном заседании стало известно, что с Т. и Л. он познакомился и сошелся на почве неприязни к иностранным мигрантам и лицам неславянского происхождения. Позднее познакомил с ними своего друга Х. Они встречались, вместе распивали спиртные напитки, а затем ходили по улицам города в поисках лиц кавказской и азиатской внешности, которых при встрече избивали. Так было и в то время, как они убили Ч. и С. Они называли себя «скинхедами», поддерживали идеи националистов, в Интернете на их страничке была свастика с различными националистическими комментариями. Избивали и убивали они из ненависти к лицам неславянской внешности, нападая на свои жертвы под надуманным предлогом.

Предлог для подобного убийства мог быть самым различным: от надуманного или ничтожного до неправомерных действий потерпевшего или правомерных, но вызывающих у виновного несогласие или протест. Иногда поводом для убийства, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, становятся неугодные для виновного решения или поведение властей, когда потерпевший своей национальной, расовой или религиозной принадлежностью отождествляется с ними.

Рассматриваемая группа побуждений **может сочетаться с другими мотивами, например, хулиганскими побуждениями или мстостью за какие-либо действия потерпевшего.** В таком случае квалификация убийства по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ зависит от того, **какой мотив являлся доминирующим, основным побуждением к убийству.**

Согласно абз. 2 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по экстремистским мотивам, в том числе по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам указанной части этой статьи,

«предусматривающим иной мотив или цель преступления (например, из хулиганских побуждений)».

В абз. 3 п. 3 того же Постановления также указывается на то, что рассматриваемый квалифицированный вид убийства «следует отграничивать от преступлений, совершенных **на почве личных неприязненных отношений**». При этом следует **учитывать**, в частности, **длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе.**

Часто на почве экстремистских мотивов в процессе убийства, совершаемого по этим мотивам, «вызревают» хулиганские побуждения и сопровождают первые. Если в основе убийства лежал мотив национальной, религиозной ненависти или иной экстремистский мотив, убийство в таких случаях должно квалифицироваться только по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Это несмотря на то, что расправа над потерпевшим происходила «по-хулигански», носила циничный, издевательский характер и сопряжена с грубым нарушением общественного порядка. Если убийство, совершенное по экстремистским мотивам, дополняется совершением из хулиганских побуждений других уголовно-наказуемых действий виновного, то при такой реальной совокупности преступлений содеянное должно квалифицироваться по п. «л» ч. 2 ст. 105 и соответствующей части ст. 213 УК РФ, а при отсутствии каких-либо признаков уголовно-наказуемого хулиганства, помимо п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, – по соответствующим статьям, частям и пунктам УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления против личности, совершенные из хулиганских побуждений (например, п. «д» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 115, п. «а» ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 167 УК РФ).

Литература:

1. Граве П.С. Патология формирования поведения // Проблемы принятия решения / Редколлегия: П.К. Анохин, В.Ф. Рубахин и др. – М.: «Наука», 1976. – 319 с.
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/

3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractpol.shtml
4. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml
5. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 года о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе Резолюции о защите прав человека и основных свобод
6. от 4 ноября 1950 г. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml
Шанхайская конвенция о борьбе с сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=10208>
7. Шур Э.М. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке. / Пер. с англ. – М.: «Прогресс», 1977. – 328 с.
8. Лунеев В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право. – 2009. – № 9. – С. 44-64.
9. Кант И. Соч. в 4-х т. Т. 1. – М., 1965. – 544 с.
10. Сабитов Р.А. Правовые меры противодействия экстремистской преступности. – Челябинск: ЧЮИ, 2009. – 269 с.
11. Современный философский словарь. – М.: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2002. – 976 с.

Extremist Murder: Application and Perfection of Russian Criminal Legislation

B.V. Sidorov, A.G. Babichev
Kazan (Volga Region) Federal University

The paper defines the notion of extremist motives and presents their legal meaning as aggravating circumstances of murder and other crimes. The authors analyze their social and moral characteristics and judicial practice of application of components of crime, provided for in unit “1” of Part 2 of the Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation. Some changes and additions to the Criminal Code of the Russian Federation are suggested based on experience of foreign legislature.

Key words: murder, political, ideological, national, religious and social extremism, motive, responsibility, punishment, degree of moral turpitude, social and subjective danger, extremist crimes.

